

18+

СЕМЬ СЕКУНД ДО ПАДЕНИЯ

Глеб Северцев

Глеб Северцев

Семь секунд до падения

«Издательские решения»

Северцев Г.

Семь секунд до падения / Г. Северцев — «Издательские решения»,

Бывший агент ГРУ, а ныне независимый специалист по взлому «умных» систем, получает задание: за семь дней до выборов мэра проникнуть в закрытый небоскреб «Атлас». Цель — скачать файл с доказательством глобального цифрового заговора. Но в первый же час героиня — ИТ-следователь Интерпола — случайно активирует протокол «Семь секунд». Это означает: если каждые 24 часа не вводить новый код, все улики самоуничтожатся, а двое главных свидетелей умрут от имплантированных чипов.

© Северцев Г.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Тот, кто не падает	6
Глава 2. Под напряжением	10
Глава 3. Скорость сближения	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Семь секунд до падения

Глеб Северцев

© Глеб Северцев, 2026

ISBN 978-5-0070-5031-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Тот, кто не падает

Берлин. Район Мариендорф. 2:47 по местному времени.

Дождь лил так, будто небо решило утопить город за одну ночь. Вода срывалась с карнизов заброшенного склада, разбивалась о бетон и стекала в щебёночную крошку узкими, нервными ручьями. Арсений Горский стоял в тени кирпичной стены уже сорок минут. Нижняя часть лица закрыта чёрным платком, защитные очки с тепловизором превращали мир в зелёно-красное месиво. Он дышал редко и глубоко — так, чтобы лёгкие успевали насыщаться кислородом, а грудная клетка не выдавала себя колебаниями в инфракрасном спектре. Научили этому ещё в группе, которую расформировали десять лет назад и о которой запрещено было говорить даже во сне.

Арсений знал о Берлине главное: этот город не прощает суеты. Он действовал, как привык, — с холодной методичностью робота, но с гибкостью человека, который дважды обманул смерть на разминировании в Сирии и один раз — под Ростовом, когда противник зажал его группу в полуразрушенном здании школы. Тот бой он вспоминал редко. Там погиб старший лейтенант Кравцов, который учил его, что «падать нельзя даже когда под тобой взрывается земля». С тех пор Арсений не падал.

Его цель находилась в центре складского комплекса — транспортный контейнер с маркировкой «ТН-4912», переделанный под мобильный узел связи. Внутри, по данным от заказчика, который вышел на него через старые каналы Совета безопасности, хранился экспериментальный образец. Дрон нового поколения. Не боевой, не разведывательный. Технологический носитель — компактный вычислительный кластер с возможностью квантового шифрования «на лету». В миру такие устройства называли «цифровой тенью».

Арсений не лез в политику. Ему было всё равно, кто заплатил — восточные партнёры или западные перебежчики. Он брал задания, которые требовали трёх вещей: точного расчёта, железных нервов и готовности умереть, если что-то пойдёт не по плану. Но сегодня план был идеальным.

Точнее, почти идеальным.

— Тепловой контур выравнивается, — прошептал он в гарнитуру, хотя напарников у него не было. Это была привычка — проговаривать вслух логические цепочки, чтобы мозг не пропускал детали.

На складе работали двое охранников. Один — бывший военный полицейский, судя по выправке и тому, как он держал автомат: стволом вниз, ближе к корпусу, чтобы не создавать лишнего силуэта. Второй — гражданский, крепкий, но не профессиональный: его тепловая сигнатура была выше на полтора градуса из-за лишнего веса и недостаточной вентиляции куртки. Арсений ждал, когда у них совпадут циклы обхода. Секунда в секунду.

Разрыв между ними составлял восемнадцать секунд. Этого времени хватало, чтобы вырубить первого, взломать контейнер и затаиться до того, как второй завершит круг. Арсений предпочитал действовать тихо. Шум — это лишние вопросы. Лишние вопросы — это пули в спину через неделю в каком-нибудь переулке Вильмерсдорфа.

Когда до цели оставалось три метра, он услышал странный звук. Где-то за стенами склада, возможно, на прилегающей стоянке, кто-то тихо, почти мурлыкая, напевал мелодию. Голос был женским, высоким, и это был явно не радиоприёмник. Арсений замер. На секунду он представил, что ошибся, что это просто ночная смена уборщицы или случайная прохожая, укрывшаяся от дождя. Но интуиция, которая спасла ему жизнь больше, чем бронежилет, зашептала: «Не совпадение».

Однако деваться было некуда. Он скользнул вперёд — бесшумно, как сом в мутной воде.

Охранник-профессионал прошёл ровно под фонарём, который горел с перебоями. В момент, когда свет погас, Арсений сократил дистанцию.левой рукой — захват затылка, правой — резкое давление на сонную артерию. Без синяков, без крови, без треска костей. Человек обмяк быстрее, чем успел понять, что его вообще коснулись. Арсений подхватил тело, прислонил к штабелю пластиковых поддонов и перемотал руки кабельной стяжкой из кармана. Рот заклеил скотчем. Аккуратно, не заклеив нос.

Взлом контейнера занял сорок семь секунд. Это был его личный рекорд для модели «Элбрус-К», которая использовалась в логистических узлах «Ростеха» три года назад. Арсений работал монтировкой, электронным отмычкой (самодельной, на ардуиновской базе) и лёгким нажатием в зону магнитного замка. Механизм щёлкнул, и дверь приоткрылась на десять сантиметров.

Внутри горел тусклый синий свет. Дрон — метров шестьдесят в размахе крыла, похожий на гибрид паука и дельтаплана — висел на магнитной подвеске. Арсений вытащил внешний носитель (защищённый флеш-накопитель в титановом корпусе), вставил в разъём управления и запустил процедуру копирования ядра. Экран, вмонтированный в боковую стенку контейнера, показал прогресс: 12 процентов.

— Давай быстрее, — прошептал он.

Голос за спиной не напевал. Он говорил.

— Не стоит торопить машины, Горский. Они не любят спешки.

Арсений не обернулся. Он знал, что если женщина подошла к нему сзади и он не услышал ни шагов, ни дыхания, ни шуршания одежды — значит, она либо профессиональная разведчица, либо призрак. В его работе и то и другое означало одно и то же: разговор будет коротким и, вероятно, кровавым.

— Ты знаешь мою фамилию, — сказал он, не оборачиваясь. — А я не знаю твою. Уже невежливо.

— Восток, — ответила женщина. — Юлия Восток. Интерпол, отдел киберпреступлений третьего поколения. Но ты можешь звать меня просто Юля. Мы будем работать вместе.

Он наконец повернулся. Перед ним стояла девушка чуть ниже среднего роста, русые волосы стянуты в тугий узел на затылке, под дождевиком угадывался лёгкий бронежилет типа «Молния-3», который производят в Екатеринбурге. В руках — никакого оружия. Только небольшой планшет с матовым экраном, на котором пульсировала зелёная точка.

— Ты выследила меня по тепловому следу нейросети? — спросил Арсений, хотя ответ знал заранее.

— Не только. Я следила за твоими передвижениями последние три дня, — спокойно ответила Юля. — Ты сменил четыре отеля, две машины и один велосипед. Ты не пользуешься банковскими картами, не включаешь телефон, и ты даже не выходишь в открытый интернет с устройств, которые можно отследить. Но твоё тело выделяет тепло, Горский. Ты дышишь, ты двигаешься, ты ешь — и всё это меняет температуру окружающей среды на доли градуса. Спутники заметили аномалию в твоём районе восемьдесят часов назад. Я просто наложила твою тепловую сигнатуру на карту городских перемещений.

Арсений усмехнулся. Усмешка вышла кривой — шрам над верхней губой всегда делал его улыбку похожей на оскал.

— И зачем работнику Интерпола ловить бывшего спецназовца, который ворует дроны для неизвестных заказчиков?

— Затем, — Юлия подошла ближе, и Арсений обратил внимание, что её пальцы не дрожат, зрачки расширены ровно настолько, чтобы видеть в темноте, а пульс на шее выдержан — не учащён, — что дрон, который ты сейчас копируешь, принадлежит структуре «Атлас». Тебе это название ни о чём не говорит?

— Пустота, — честно ответил Арсений.

— «Атлас» — это тень правительства в тени корпораций. Организация, которая контролирует цифровые потоки тридцати стран. Они управляют выборами через фейковые аккаунты, обрушивают экономики через DDOS-атаки на биржи, и они же разрабатывают систему абсолютного цифрового надзора. Код «Эдем». Через три месяца они запустят его в тестовом режиме. И тогда любой человек, который хотя бы раз подключился к сети, станет прозрачным. Все его переписки, все тайны, все слабости — на экране у тех, кто сидит в «Атласе».

Арсений слушал краем уха, в то время как прогресс-бар на экране показывал 46 процентов. Его мозг уже работал над другим — как выйти отсюда живым, если она не одна. Он быстро окинул взглядом пространство: три выхода, два окна, одна вентиляционная шахта. Лучший маршрут отхода — через крышу, если она не заминирована.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил он, не прекращая сканировать периметр. — Ты могла сдать меня полиции Берлина ещё час назад. Или пристрелить, когда я вскрывал контейнер. Ты не сделала ни того ни другого. Значит, я тебе нужен.

Юля кивнула. Жест получился резкий, почти мужской.

— У меня есть данные, что глава «Атласа» — женщина. Мы знаем её только как Элеонора. Возраст около шестидесяти. Философ, экономист, нейробиолог по образованию. Она разработала протокол, который защищает ядро «Атласа». Называется «Семь секунд до падения». Если ввести неверный код доступа трижды или попытаться взломать систему грубым методом — все данные уничтожаются. Свидетели, которые могут дать показания против «Атласа», тоже умирают. У них вживлены чипы с замедленным токсином.

— И ты думаешь, что я помогу тебе взломать этот протокол? Я солдат, а не хакер.

— Ты не солдат, Горский, — твёрдо сказала Юля. — Ты выживший. И ты знаешь, что иногда для победы нужно не атаковать систему, а обойти её. Физически. Проникнуть в центр управления «Атласа» можно только через подземный уровень в здании «Эволюция» в центре Берлина. Но туда не пускают чужаков. Система распознаёт чиновников, политиков, судей. Ты — ничто. Ты — человек без цифрового следа. Без аккаунтов, без облачных хранилищ, без биометрии в базах данных. Ты идеальный ключ.

Прогресс-бар показал 78 процентов. Арсений на мгновение задумался. Ему не нравились слова «мы», «вместе», «доверие». В его мире эти слова вели к смерти. Одиночка живёт дольше. Но был один фактор, который он не учёл.

— Ты говоришь, что «Атлас» убьёт свидетелей при попытке взлома. А если я войду, что ты сделаешь с моей собственной безопасностью?

Юля сняла дождевик. На правом предплечье, чуть выше локтя, у неё был свежий шрам — ровный, чистый, похожий на след от операционного лазера.

— У меня такой же чип, — сказала она, показывая шрам. — Я внедрилась в «Атлас» год назад под видом аналитика данных. Меня раскрыли. Но они не убили меня, потому что у меня есть коды, которые им нужны. Взамен они вживили мне чип с замедленным токсином. Если я не введу один из ключей протокола «Семь секунд» в ближайшие семь дней, я умру. И двое главных свидетелей — тоже.

Арсений перевёл взгляд с её шрама на экран. 99 процентов.

— И ты решила, что последние семь дней своей жизни проведешь со мной?

— Я решила, что ты — единственный человек, который способен проникнуть туда, куда я не могу, и сделать это так, чтобы никто не заметил. Мы не будем друзьями, Горский. Мы будем инструментами друг друга. Ты поможешь мне остановить «Атлас», а я помогу тебе остаться в живых и получить доступ к архивным данным о твоей группе. О тех, кто погиб под Ростовом. О том, почему их предали.

У Арсения перехватило дыхание. Никто, слышите, никто не знал о Ростове. Даже его бывшие командиры молчали, потому что операция была засекречена настолько, что её участ-

ников хоронили под чужими именами. Откуда эта женщина могла знать? Он в два шага сократил дистанцию, схватил её за плечо, сжал так, что хрустнул бронежилет.

— Откуда ты знаешь про Ростов? — голос стал тихим, злым, как у зверя, загнанного в угол.

Юля не дрогнула. Она лишь посмотрела ему в глаза — прямо, без страха, без вызова.

— Потому что я была тем аналитиком, который обрабатывал спутниковые снимки той операции. Я видела, как вас зажали. Я видела, как ты вытаскивал Кравцова. И я видела, как командование отдало приказ не высылать подмогу. Твоя группа была разменной монетой в большой игре, Горский. Игроки всё ещё живы. И они сидят в «Атласе».

Прогресс-бар показал 100 процентов. Дрон издал короткий сигнал завершения копирования. Арсений вынул накопитель, сунул в герметичный карман на поясе, и только после этого медленно, очень медленно, разжал пальцы на её плече.

— У тебя есть семь дней, — сказал он, отступая на шаг. — Если ты врешь хотя бы в одной детали, я убью тебя раньше, чем сработает твой чип.

— Справедливо, — кивнула Юля. — Тогда давай не тратить время. Выход из склада через крышу, как ты и планировал. Там моя машина. Едем в убежище, изучаем план здания «Эволюция». Первый этап — проникновение в дата-центр нижнего уровня. Через двадцать четыре часа у нас должен быть первый ключ.

Арсений посмотрел на бесчувственное тело охранника, на дрон, зависший в синем свете, на дождь, который всё так же хлестал по железной крыше. Что-то в этом раскладе было неправильно. Что-то слишком идеальное, слишком подогнанное под его боль. Но он знал одно: если есть шанс узнать правду о Ростове, он за него ухватится. Даже если это правда убьёт его быстрее, чем вражеская пуля.

Он кивнул и двинулся к лестнице на крышу.

— Веди.

Глава 2. Под напряжением

Берлин. Район Кройцберг. 4:22 по местному времени.

Машина, на которой Юля привезла Арсения в убежище, оказалась старым «мерседесом» двухтысячного года выпуска. Никакой электроники, никаких систем слежения, никаких GPS-маячков. Только механика, сталь и бензин. Арсений одобрил такой выбор молчаливым кивком — это был первый жест доверия, который он позволил себе за последние шесть часов.

Убежище располагалось в полуподвальном помещении бывшей пекарни. Витрины заложены мешками с песком поверх бронированных ставней. Входная дверь — тяжёлая, стальная, с тремя замками разного типа: сувальдным, дисковым и электромагнитным. Арсений обратил внимание, что электромагнитный замок подключён к автономному аккумулятору, рассчитанному на семьдесят два часа работы. Продуманно. Профессионально.

Внутри помещение было разделено на две зоны. Первая — техническая: три рабочих стола с мощными вычислительными станциями, мониторы на кронштейнах, стенд для разборки электроники, ящики с инструментом, четыре сервера в шумоизолирующих шкафах. Вторая — бытовая: узкая койка, газовая плита, холодильник, запас воды в двадцатилитровых бутылках, аптечка размером с небольшой шкаф. Воздух пах озоном, металлом и сухим армейским пайком.

— Обустраивалась на скорую руку, — сказала Юля, заметив его оценивающий взгляд. — Но здесь никто не найдёт. Запас хода — три недели автономного существования, если не использовать тяжёлое оборудование.

— Тяжёлое — это что? — спросил Арсений, стягивая перчатки.

— Квантовый декодер, — Юля кивнула в сторону одного из серверных шкафов. — Он жрёт столько энергии, что может осветить половину Кройцберга. Включаем только по необходимости. Обычно на два-три часа в сутки.

Арсений подошёл к столу, на котором лежала распечатанная схема здания. План был огромным — три с половиной на два метра, склеенный из нескольких листов. Он изображал комплекс «Эволюция» — тридцатизэтажную башню из стекла и бетона, которая возвышалась над Берлином как памятник человеческой самоуверенности. Но Арсения интересовало не то, что наверху. Его интересовало то, что внизу.

— Показывай, — сказал он, опираясь руками на стол.

Юля подошла с другой стороны, включила проектор, и на стену легло трёхмерное изображение подземных уровней. Их было семь. Семь этажей, уходящих вглубь земли на пятьдесят метров.

— Уровень минус первый — паркинг. Два въезда, один выезд, шлагбаумы с распознаванием номеров, четыре камеры на каждый въезд. «Но камеры мы обманем», — сказала Юля, переключая слайд. — Уровень минус второй — технический. Водонагреватели, вентиляция, электрощитовые. Там постоянно работают люди. Сантехники, электрики, уборщики. Самый уязвимый уровень, потому что там большой поток персонала и низкий уровень контроля. Но нам туда не нужно. Нам на уровень минус третий.

— Почему? — спросил Арсений, запоминая расположение вентиляционных шахт.

— Потому что уровень минус третий — это зона так называемой «серой биометрии». Там проверяют не только лицо, отпечатки пальцев и радужку глаза, но и походку, микровибрацию тела от сердцебиения, и даже химический состав выдыхаемого воздуха. Пройти туда под чужим именем невозможно. Искусственный интеллект, который управляет системой безопасности, запоминает каждого человека, который когда-либо спускался на этот уровень. Если твоя биометрия не совпадёт с базой данных хотя бы на девяносто девять целых и девять сотых процента — тревога.

Арсений провёл пальцем по схеме вентиляции.

— А что, если войти через шахты? Уровень минус четвёртый — это дата-центр, да? Значит, там должно быть мощное охлаждение. Воздуховоды крупного сечения, можно пролезть.

— Нельзя, — твёрдо ответила Юля. — Я проверяла. Воздуховоды оборудованы датчиками движения на инфракрасных лазерах. Если пересечь луч — система блокирует все вентиляционные клапаны и заполняет шахты углекислотой. Ты задохнёшься за сорок секунд.

Она переключила слайд на уровень минус четвёртый. Здесь схема стала ещё сложнее — лабиринт серверных стоек, кабельных лотков, систем бесперебойного питания и дизель-генераторных установок. В центре, как ядро ореха, находилась гермозона. Круглая комната диаметром двенадцать метров, облицованная свинцовыми пластинами. Внутри, по данным Юлиной разведки, хранился главный вычислительный узел «Атласа» и файлы с доказательствами преступлений.

— Туда нам и нужно, — сказала Юля, подсвечивая лазерной указкой гермозону. — Вход в гермозону — через шлюзовую камеру, которая открывается только по трём факторам: голос, лицо и тактильный код. Тактильный код — это последовательность нажатий на сенсорную панель, которую знают только четыре человека во всей организации. Я не знаю код. Никто из моих информаторов его не знает.

— Но ты знаешь того, кто его знает, — предположил Арсений.

Юля помолчала несколько секунд. Её лицо, освещённое синеватым светом проектора, стало жестче.

— Знаю. Он находится на том же уровне, в помещении постоянного дежурства операторов. Его зовут Мартин Шварц. Он — главный инженер системы безопасности «Атласа». Пьяница, трус и предатель. Но он единственный, кто может открыть гермозону без тревоги.

— Тогда зачем я? — спросил Арсений. — Ты могла бы взять его на слабо, пригрозить чипом, деньгами, чем угодно.

— Потому что Шварц не разговаривает с незнакомцами, — ответила Юля, выключая проектор. — Он параноик. Он боится, что «Атлас» следит за ним. Он согласится на контакт, только если я приведу человека, которого он не сможет идентифицировать. Человека без цифрового следа. Тебя.

Арсений отодвинулся от стола, прошёлся по комнате, задевая плечом свисающий с потолка кабель. В голове прокручивался план, который она предлагала. Вход через паркинг, затем на лифте до уровня минус третий, обход биометрического контроля через технологическую дыру, которую Юля нашла в системе видеонаблюдения (две секунды в час, когда камеры перезагружаются), затем захват Шварца, принуждение к открытию гермозоны, копирование данных и выход. Всё должно занять не больше трёх часов.

— Слишком чисто, — сказал он наконец. — Слишком много «если». Если камеры перезагрузятся ровно на две секунды, если Шварц не нажмёт тревогу, если мы не попадём в ловушку. Где подстраховка?

Юля подошла к одному из серверных шкафов, открыла его и достала два предмета. Первый был похож на обычный армейский нож, но с утолщённой рукояткой. Она нажала на скрытую кнопку, и лезвие с щелчком разделилось на две части, открыв небольшой жидкокристаллический экран и джойстик.

— Электромагнитный отмыкатель, — пояснила она. — Снимает блокировку с большинства электронных замков за три-пять секунд. Дальность — до десяти метров. Если Шварц откажется, мы берём шлюзовую камеру штурмом.

Второй предмет был меньше — размером с зажигалку. Юля положила его на стол, и он издал тихий, едва уловимый писк.

— Глушилка сейсмических датчиков. Они вмонтированы в пол на уровне минус третий. Если мы идём без Шварца, датчики засекут шаги и передадут сигнал тревоги. Глушилка

создаёт поле, которое имитирует нормальную вибрацию от работы вентиляции. Работает шесть часов. Этого хватит.

Арсений взял глушилку, повертел в пальцах. Качество изготовления — высокое, немецкое или швейцарское. Компоненты миниатюрные, пайка аккуратная, корпус из алюминиевого сплава. Он уважал хороший инструмент.

— И когда выходим?

— Через шесть часов, — ответила Юля, взглянув на наручные часы. — Утром смена персонала, в восемь утра. Двадцать минут неразберихи, когда одни уходят, другие приходят. Система безопасности в это время работает в урезанном режиме, потому что администратор сдаёт смену своему сменщику. Это окно.

— У тебя есть чёткий план, — признал Арсений. — Но ты не сказала главного. Почему ты доверяешь мне? Мы знакомы три часа. Я мог бы убить тебя, взять оборудование и пойти один.

Юля посмотрела на него долгим взглядом. В её глазах не было ни обиды, ни страха, ни надежды. Только холодная, выверенная решимость человека, который уже проиграл главный бой в своей жизни и теперь просто хочет уйти красиво.

— Потому что, Горский, если ты пойдёшь один — ты умрёшь. Не потому, что ты слабый. А потому, что ты не знаешь этой системы. Ты не знаешь, что уровень минус третий каждые четырнадцать минут проверяют патрульные роботы. Ты не знаешь, что шлюзовая камера, кроме тактильного кода, требует ещё и подтверждения голосом с записью фонового шума. Ты не знаешь, что в дата-центре есть ловушка — если в гермозону проникнуть силой, через пятнадцать минут оттуда откачивается весь кислород. Ты не знаешь всего этого. А я знаю. Потому что я потеряла год своей жизни, чтобы узнать.

Она подошла к холодильнику, достала две банки консервов, открыла их и поставила на стол. Гречневая каша с мясом. Армейский стандарт. Арсений не ел четырнадцать часов, и запах ударил в ноздри с такой силой, что желудок болезненно сжался.

— Ешь, — сказала Юля. — Через шесть часов у тебя не будет времени на обед.

Он сел за стол, взял ложку, поднёс ко рту и вдруг замер. Что-то щёлкнуло в затылке — не звук, а ощущение. Ощущение неправильности. Слишком гладко. Слишком удобно. Женщина из Интерпола находит его в Берлине, предлагает идеальный план, кормит гречкой и говорит «мы». Это пахло ловушкой. Но он не мог понять, где зарыта собака.

— Скажи мне одну вещь, — сказал он, отложив ложку. — Тот дрон, который я копировал. Зачем он «Атласу»?

Юля не ответила сразу. Она доела свою порцию, вытерла рот тыльной стороной ладони, и только потом заговорила.

— Дрон — это передатчик. Он работает на квантовой запутанности. Если его активировать, он создаёт невидимую сеть между вычислительными узлами «Атласа» по всему миру. Сейчас эти узлы изолированы друг от друга — из соображений безопасности. Дрон должен был стать мостом. Тот экземпляр, который ты скопировал, — последний. Без него «Атлас» не сможет объединить свои мощности. Ты только что украл у них возможность стать абсолютной цифровой диктатурой.

— Не я украл, — усмехнулся Арсений. — Мы украли.

В его голосе впервые за долгое время проскользнуло что-то, похожее на человеческую ноту. Не тепло, нет. Скорее, признание того факта, что этот странный союз с женщиной-аналитиком может оказаться не самым глупым решением в его жизни.

Они ели молча. Тишину нарушал только гул серверов и далёкий, едва слышный шум дождя за бронированными ставнями.

Шесть часов спустя. 10:14 утра.

Они стояли у входа в подземный паркинг «Эволюции». Арсений был одет в костюм техника — синяя рабочая роба, кепка с логотипом вымышленной клининговой компании, на поясе — сумка с инструментами. Внутри сумки — электромагнитный отмыкатель, глушилка сейсмических датчиков, два ножа и пистолет. Не тот, который он носил обычно (чешский «Кольт» образца девяносто восьмого года), а новый, бесшумный, с глушителем и полимерной рамкой. Сделано в Ижевске, но доведено до ума в частной мастерской. Пять патронов в магазине. Этого должно хватить.

Юля была в форме уборщицы — нелепый серый комбинезон, косынка, резиновые перчатки. Но под комбинезоном — бронежилет «Молния-3», на бедре — травматический пистолет, переделанный под боевые патроны. Арсений спросил, зачем ей оружие, если она аналитик. Она ответила: «Я аналитик, который умеет стрелять. Разница лишь в том, что я не хочу этого делать».

Паркинг встретил их запахом бетонной пыли, выхлопных газов и дешёвого освежителя воздуха. Машин было мало — раннее утро, большинство сотрудников ещё не приехали. Арсений насчитал двенадцать автомобилей, три из них — с включёнными двигателями. Водители курили, разговаривали по телефонам, пили кофе из пластиковых стаканчиков. Обычная офисная рутина.

Они прошли через турникет, приложив поддельные пропуска, которые Юля изготовила на 3D-принтере прошлой ночью. Система запищала, зелёный свет загорелся, шлагбаум поднялся. Первый этап пройден.

Лифт спускался медленно, с лёгким дребезжанием, которое указывало на то, что техническому обслуживанию здесь не уделяют должного внимания. Арсений стоял с краю, контролируя дверь и потолок одновременно. Юля — напротив, пальцы сжаты в кулаки, дыхание ровное.

— Уровень минус третий, — объявил электронный голос.

Двери открылись.

Коридор был длинным, метров тридцать, с белыми стенами и серым полом из скользящей плитки. Через каждые три метра — камеры видеонаблюдения, встроенные в потолок. Арсений заметил, что объективы слегка повернуты в разные стороны — стандартная схема, без зон перекрытия. Именно на эти зазоры они и рассчитывали.

Они двинулись вперёд, соблюдая дистанцию в четыре шага. Юля смотрела в планшет, на котором отображалось расписание перезагрузки камер. Через двадцать секунд — окно. Она подняла руку, подавая сигнал, и они ускорились, проскочив зону видимости двух камер в тот самый момент, когда те моргнули и перезагрузились.

За коридором начиналась зона биометрического контроля. Арсений увидел её сразу — большая арка, похожая на сканер в аэропорту, только массивнее. Внутри арки — десятки датчиков. Лицо, радужка, пальцы, походка, запах. Всё, что можно измерить, измерялось здесь.

Юля остановилась в трёх метрах от арки, достала глушилку, активировала её. Устройство издало тот самый тихий писк, который Арсений слышал в убежище, а затем — ничего. Тишина. Поле создано.

— Иди, — сказала она одними губами.

Арсений шагнул в арку. Секунда. Другая. Третья. Система не издала ни звука. Он прошёл насквозь, остановился с другой стороны и облегчённо выдохнул. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким уязвимым, как в эти три секунды. Даже под огнём в Сирии было легче — там он контролировал пространство. А здесь контроль был у машины.

Юля прошла следом, так же бесшумно, так же быстро. Глушилка мигнула красным индикатором — запас энергии сократился на пятнадцать процентов.

— Работает, — прошептала она. — Идём дальше. Комната дежурных операторов — через два поворота налево.

Они двинулись по коридору, который сужался с каждым шагом. Стены стали серыми, неокрашенными, на полу появились кабельные лотки. В воздухе запахло озоном и нагретым пластиком — близость мощных вычислительных машин.

Дверь в комнату операторов была металлической, без ручки, с сенсорной панелью справа. Юля приложила к панели ладонь, набрала код — семь цифр, которые Арсений не запомнил — и дверь с шипением отъехала в сторону.

Внутри было темно. Слишком темно для рабочего помещения в десять утра. Арсений включил фонарик на наручных часах и направил луч внутрь.

Комната была пуста. Ни одного человека. На столах — остывший кофе, разбросанные бумаги, включённый монитор с заставкой. Но людей не было.

— Где Шварц? — спросил Арсений, чувствуя, как тревога сжимает внутренности в тугой узел.

Юля подошла к монитору, нажала клавишу, и экран ожил. На нём было сообщение. Одно предложение, напечатанное заглавными буквами:

«ОН ЗНАЛ, ЧТО ВЫ ПРИДЁТЕ. ОН УШЁЛ. ЛОВУШКА АКТИВИРОВАНА.»

Арсений хотел что-то сказать, но в этот момент пол под их ногами дрогнул. Сначала едва заметно, потом сильнее, а потом по всему коридору завывала сирена — низкая, пульсирующая, не похожая на обычные сигналы тревоги.

И затем раздался голос. Голос, который не принадлежал ни одному человеку в этом здании. Он звучал отовсюду — из динамиков, из вентиляции, из самих стен. Искусственный, идеально модулированный, без единой ошибки в произношении.

— Опознаны нарушители: субъект А — мужчина, биометрический профиль отсутствует в базах данных. Субъект Б — женщина, Юлия Восток, статус: предатель, приговор: исполнение. Активирован протокол «Семь секунд до падения». Семь суток до уничтожения ключевых свидетелей. Для отмены протокола введите код доступа. Время на ввод кода — неограниченно. Неверных попыток — три. Каждая неверная попытка ускоряет таймер уничтожения свидетелей на двадцать четыре часа.

На стене, над дверью, зажёгся экран. На нём появились два изображения. Первое — пожилой мужчина в генеральской форме, седой, с жёсткими глазами. Он сидел в кресле, пристёгнутый к нему, с капельницей в руке. Второе — девочка, лет двенадцати, рыжая, веснушчатая, в серой футболке. Она смотрела прямо в камеру, и в её взгляде не было страха. Только усталость. Такая усталость бывает у людей, которые уже смирились со смертью.

— Кто это? — спросил Арсений, хотя уже знал ответ.

— Свидетели, — тихо сказала Юля. — Генерал Виктор Петрович Зайцев, бывший начальник управления спецсвязи. И девочка... Я не знаю её имени. Но она — хакер. Она взломала первый уровень защиты «Атласа» полгода назад. Ей было одиннадцать.

На экране под изображениями появился обратный отсчёт. Семь суток. Сто шестьдесят восемь часов. Десять тысяч восемьдесят минут. И каждая минута теперь была на счету.

Арсений повернулся к Юле. В его глазах не было паники. В его глазах был холодный, расчётливый гнев. Такой гнев бывает у человека, который понял, что его использовали. Но не как пешку. Как бомбу замедленного действия.

— Ты знала, — сказал он. — Ты знала, что этот протокол активируется, когда мы войдём.

— Нет, — покачала головой Юля. — Я знала, что он существует. Я не знала, что он активируется так рано. Мне нужны были сутки. Всего одни сутки, чтобы подготовиться.

— А теперь у нас семь дней, чтобы спасти двух людей, которых мы даже не знаем, — усмехнулся Арсений. — И нас самих. Потому что я уверен, что в моей крови тоже нет чипа с токсином. Но ты-то его носишь.

Она кивнула, приподняв рукав комбинезона. На внутренней стороне предплечья, под тонкой кожей, прощупывалась твёрдая капсула размером с рисовое зерно. Чип.

— Семь дней, — повторила Юля. — Нам нужно найти семь ключей. По одному на каждый день. Иначе они умрут. И я умру.

Сирена завывала с новой силой. А где-то в глубине здания, на верхних этажах, уже щёлкали затворы автоматов — служба безопасности «Атласа» получила приказ на зачистку.

Арсений вытащил пистолет, проверил магазин, дослал патрон в патронник и посмотрел на дверь, за которой начинался долгий, кровавый путь наверх.

— Семь дней, — сказал он. — Тогда не трать ни секунды. Веди.

Глава 3. Скорость сближения

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.